

Без столиц, или Как исследовать книгу стихотворений

Барковская Н. В., Верина У. Ю., Гутрина Л. Д., Жибуль В. Ю. Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси. — М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015



**КНИГА СТИХОВ
КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ
РОССИИ И БЕЛАРУСИ**

Н. В. Барковская, У. Ю. Верина, Л. Д. Гутрина, В. Ю. Жибуль

Кабинетный ученый

Хотела написать, что эта монография — результат многолетней работы группы исследователей современной поэзии из Уральского педагогического университета и Белорусского государственного университета, но подумала, что про многолетнюю работу будет сказано точно и неточно одновременно. Всякому любопытному читателю предлагаю сде-

лать то, что он, разумеется, привык делать и что выдает в нем его любопытство: заглянуть на последние страницы книги. Помимо традиционного указателя имен, фиксирующего методологический и мировоззренческий разброс Абашева до Яснова, реферата на английском языке и сведений об авторах здесь приведена любопытная информация о том, что кон-

кретно послужило материалом для конструирования книги. Это целый ряд статей, которые были опубликованы с 2008 по 2015 год, и особенно и интенсивно — с 2012-го по 2014-й, когда, судя по всему, совместный проект зародился и оформился в сотрудничество со вполне определенными творческими целями. Однако за книгой явно стоит напряженная работа по изучению современной поэзии, проведенная авторами задолго до указанного периода. Не приходится сомневаться, что мы имеем дело с профессионалами и монография выполнена на достойном научном уровне.

Объектом исследования в монографии становится книга стихов как культурный феномен. Обращаю внимание именно на его культурную артикулированность, которая всегда шире собственно литературной. И это не есть новаторский ход авторов: опыты изучения книги как таковой демонстрируют неизбежность комплексного анализа как ее плана содержания, так и плана формы. Не плана выражения — это сугубо литературоведческая работа, связанная с анализом художественного текста, а именно формы, к каковой относятся внетекстовые элементы книги и которая делает книгу произведением визуального искусства. Таким образом, литературоведческие методологии в разговорах о книгах должны несколько отступать (хотя вовсе не сдавать своих позиций), осво-

бодая пространство для искусствоведения. Не случайно исследование снабжено иллюстративным рядом, где фигурируют, как правило, обложки рассматриваемых изданий. Да и сами по себе обложки становятся объектом анализа. «Существенную роль играет так называемый полиреферентный план книги: оформление обложки, наличие/отсутствие фотографии автора, биографической справки, аннотации, эпиграфа, посвящения», — пишут в теоретической части авторы монографии. «Света Литвак выпустила в 2007 г. книгу стихотворений, представляющих читателю эволюцию ее творчества в период с 1980 г. по 2000 г. На белом фоне обложки — хаотичный рисунок, напоминающий детские каракули, выполненный цветными фломастерами или маркерами (рис. 3). В переплетении линий угадывается схематичная фигура человека с опущенной вниз правой рукой, возможно, пишущего сидя за столом. На задней стороне обложки книги тот же рисунок перевернут, теперь он напоминает фигуру утки или индюка. Тем самым уже обложка выявляет принцип палиндрома, характерный для экспериментов со словами в поэзии этого автора», — это уже пример конкретного анализа.

Однако комплексный подход к феномену книги, продемонстрированный на примере и обусловленный материалом и логикой исследования, не всегда в мо-

нографии проявляет себя, и неудивительно, раз поэтические книги анализировали только филологи — перекося в литературоведении изначально запрограммирован. Поэтому из исследования мы больше узнаем о художественных доминантах и поэтологических принципах тех или иных поэтов, чем о художественной целостности книг в равнозначности текстовых и внетекстовых элементов.

Тем не менее представленный здесь научный опыт интересен и ценен. В монографии — четыре раздела, каждый из которых задает проблемное поле в рамках изучения феномена: «Книга стихов: теория и история», «Структура стихотворных книг», «Книга в судьбе поэта», «Книга стихов в социокультурном контексте».

Сделаю несколько замечаний. Первое: теория в начальном разделе вполне убедительна, а вот история, как бы ни старались авторы, а они старались, начиная традицию с XVII в. и затем выписывая мощный Серебряный век, все же требует отдельного исследования, отдельной книги, создание которой может быть логическим продолжением монографии. Второе: в рамках части, где речь идет о структуре стихотворной книги, проанализированы функции заголовочного комплекса (заглавия книги, эпиграфа), сюжет, метасюжет и архитектоника, лиричность и эпичность, мотивы и субъект речи — в общем, по оглавлению

нию этой части можно изучать теорию литературы, ее основные термины и понятия, однако лично мне немного не хватило разговора о моделях внутреннего устройства поэтических книг. Есть ли какие-то общие для целого ряда книг элементы и устойчивые образования? Третье: биографическая часть рассматривает вариативный набор книг, имеющих значение для судьбы поэта, это дебютные, этапные и итоговые книги поэтов, лирические трилогии и рецептивные текстовые ансамбли, книги, изданные посмертно, книги-эпитафии — к данному набору, возможно, имело бы смысл приплюсовать единственные книги, когда авторы больше ничего не выпускали, книги малотиражные, но зачем-то издаваемые некоторыми поэтами, и даже с именами, книги-мистификации и т. д. Четвертое: часть про социокультурный контекст самая обширная и местами спорная. Например, никак не могу согласиться с тезисом Н. В. Барковской о значимости фигуры Бориса Поплавского для уральской поэзии. Ни для Бориса Рыжего, ориентированного на совсем другие образцы — от Бродского до советских поэтов, ни для Александра Вавилова, «внешне», возможно, и сюрреалиста, но в своих стихах напоминающего, скорее, опыты того же раннего Бродского, Поплавский не имел существенного значения. Он, скорее, значим для Руслана Комадея, но именно этот поэт в исследовании

никак не фигурирует, лишь единожды упоминается в качестве помогшего оформить книгу Ярославы Широковой «Картон». Но и это утверждение тоже вызывает некоторое смущение, ибо Комадей, надо отдать должное, полностью составил «Картон» (здесь было бы интересно посмотреть, как один поэт моделирует книгу другого), более того, Ярослава Широкова и ее поэзия — в широком смысле результат педагогической деятельности Комадея, от которого было воспринято очень многое, в том числе тематика детства и семейных отношений, о которой пишет исследователь.

Впрочем, критика моя носит очевидный сопроводительный характер и не затрагивает основ представленного труда, убедительно в своей целостности и в своем исполнении.

Другой вопрос, почему Россия и Беларусь? Почему эти страны заявлены в названии монографии и топографически заключают в себе феномен поэтической книги? И здесь ответа уже нет, точнее, он находится вне концептуальных рамок исследования. Потому что объединились литературоведы из соответствующих стран, а вовсе не потому что, как столило полагать, есть такой феномен: восточнославянская книга стихов, хотя авторы то и дело посматривают куда-то на юго-запад — в сторону Украины и даже Словакии.

На самом деле география здесь предельно широка: в

центре внимания исследователей оказываются книги стихотворений не только белорусских и уральских авторов, но Мари Степановой, Александра Кабанова, Веры Павловой, Юрия Гуголева, Андрея Родионова, Бориса Херсонского, Кати Капович, Линор Горалик, Елены Фанайловой, Комара и Меламида, Веры Полозковой и др. — я беру только современников, не останавливаясь на начале XX века, который, как уже говорилось выше, также весомо представлен. Разумеется, выбор той или иной книги и автора — дело субъективное. Именно этим объясняю такое существенное присутствие Марии Степановой и Веры Павловой и отсутствие других знаковых для современной поэзии фигур в монографии — от Михаила Айзенберга до, скажем, Геннадия Каневского, который показательно мыслит именно книгами и меняется от книги к книге. Этим же объясняю отсутствие интереса к проекту «ГУЛ», издательскому и культурегерскому одновременно, определенным образом моделирующему поле уральской поэзии.

Тем не менее география в книге имеет определенное значение. Сопоставляя Урал и Беларусь, Восток и Запад, филологи шьют воедино пространство культуры и поэзии и одновременно децентрализуют его, лишают привычной сетки координат, что делает этот опыт уникальным и весьма полезным для понимания глубинных процессов, идущих

в современной поэзии и не всегда связанных со столицами. Перед нами особое видение поэтической ситуации и особая разметка культурного пространства, ценная тем, что являет уход от сложившихся стереотипов, в том числе гео-

графического и метагеографического порядка.

Остается поздравить авторов с серьезным почином, тем удивительным, что прерогатива изучения поэтических книг, казалось, отдана Омску, в какой-то степени

Твери, но уж точно не Минску и Екатеринбург. Ан нет, исследование свидетельствует о другом, равно как и о том, что всякое дерзание приносит науке только пользу.

Юлия Подлубнова